

Отдѣльный № 15 коп.

Годъ изданія первый.

Вторникъ, 10 іюля 1912 года.

№ 63.

СВѢДѢТЕЛЬСКИЙ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ въ г. Иркутскѣ ЕЖЕДНЕВНО, кромѣ понедѣльниковъ.

Адресъ конторы и редакціи: Большая ул., д. № 18, Подловскаго, гдѣ помѣщаются писчебумажный магазинъ и типографія Т-ва «М. П. Окуневъ и К°». Контора для пріема подписки и объявленій открыта отъ 9 ч. до 6 веч. ежедневно, кромѣ праздниковъ. Телефонъ № 85.

Контора и редакція открыты для личныхъ объясненій ежедневно, съ 1 до 2 ч. дня.

Рукописи автор. подлежатъ перераб., измѣн. и сокращ. Мелкія статьи, замѣтки, стихотв. и пр. неодобр. ред., подверг. уничт. Крупныя статьи хран. въ теченіе шести мѣс. Объявленія изъ всѣхъ мѣстъ и странъ принимаются непосредственно въ конторѣ газеты, въ Иркутскѣ и въ писчебумажномъ магазинѣ и типографіи Т-ва «М. П. Окуневъ и К°», Большая ул., д. № 18, а также въ контор. Торговаго дома Л. и Э. Метцль и К° (Москва—Мясницкая, д. Сытова; Варшава—Маршалк. ул.—130 и Петербургъ—Б. Морская, 11; Т. д. Вруно Валентини (С.-Петербур., Екат. Каналь, 18—27), Н. П. Гольдина (Москва—Тверская, д. Бахрушина); Т. д. І. Бухвейцъ (Варшава—Маршал., 120). Въ конт. объявл. Х. В. Грацъ и сынъ (Вильна, Бол. 60). Въ конт. объявл. «Герольдъ» (Петер.—Возн. просп., № 3), во всѣхъ вообще конт. по пріему подп. и объяв. Объяв. Европ. Рос. черезъ комис. таксир. по 25 к. строка впереди текста и 15 коп. за текстомъ.

Подписная цѣна:

Внутри имперіи, на годъ 9 р., 6 мѣс. 4 р. 50 к., 3 м. 2 р. 50 к., 1 мѣсяцъ 1 руб. За границу: на годъ 14 руб., 6 мѣс. 8 руб., 3 мѣс. 5 руб., 1 мѣс. 2 руб. Городская подписка принимается по 1 и 15 каждого мѣсяца, отъ иногороднихъ же только съ 1 числа; за перемѣну адреса городского на иногородній 40 коп. ОБЪЯВЛЕНІЯ: за строчку петита передъ текстомъ—20 коп., за текстомъ—10 коп. Иногородніе объявленія за строку петита впереди текста—25 к., за текстомъ 15 к.

КРАИ

Чеховъ у нѣмцевъ.

(Къ чеховской годовщинѣ.)

Въ русскихъ газетахъ я встрѣчалъ самыя противоположныя отзывы о степени популярности Чехова въ Германіи. Одни изъ газетъ утверждали, что Чеховъ чрезвычайно популяренъ въ Германіи. Другія безъ всякихъ основаній высказывали, наоборотъ, что Чеховъ совершенно непопуляренъ въ „странѣ поэтовъ и мыслителей“. И то, и другое, находя себя въ объясненіе въ незнакомствѣ съ симпатіями нѣмецкой читающей публики и настроеніями въ ея средѣ, сильно преувеличено и не соответствуетъ истинѣ.

Наилучшія произведенія Чехова никогда не выдерживали тамъ такъ много изданій, какъ произведенія Горькаго. Если произвести подсчетъ нѣмецкихъ издателей Горькаго, придется считать десятками, придется перевалить за сотни. Издатели Чехова насчитываются единицами, и едва ли намъ при подсчетѣ удастся перевалить за дюжину. Появилось нѣсколько книжекъ съ его повѣстями и рассказами, вышло нѣсколько сборниковъ переводовъ изъ современной русской литературы со включеніемъ беллетристики Чехова. Нѣкоторые литературные журналы дали переводы нѣсколькихъ повѣстей и рассказовъ Чехова. И все это появлялось такъ же умѣренно, какъ расходилось и раскупалось.

Это умѣренность въ спросѣ на произведенія Чехова не нравилась, конечно, ни нѣмецкимъ издателямъ Чехова, ни переводчикамъ его. Я всегда вращался въ Берлинѣ въ кругу лицъ, переводящихъ произведенія русской литературы на нѣмецкій языкъ. Поэтому мнѣ хорошо извѣстно, что издатели и переводчики Чехова подчасъ изъ силъ выбивались, чтобы оживить интересъ большой публики къ произведеніямъ Чехова и добиться увеличенія спроса на нихъ. Въ особенности издателямъ хотѣлось получить право напечатать на обложкѣ: „Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ“ или же: „Переводъ съ рукописи“. Это привлекаетъ вниманіе публики, это увеличиваетъ въ глазахъ публики и достоинства переводной книги.

Издатели и переводчики неоднократно обращались съ подобными просьбами къ Чехову. У него просили разрѣшенія на право перевода, просили „авторизація“ готоваго перевода, просили предисловія къ нѣмецкому переводу его произведеній. Просили, чтобы онъ высылалъ свои рукописи и тѣмъ давалъ возможность выпускать нѣмецкій переводъ одновременно съ оригиналомъ. Ему предлагали нѣкоторый процентъ съ барыша, прогрессирующій гонораръ по мѣрѣ продажи книги, опредѣляющую сумму гонорара за право единственнаго перевода. Ему писали, прилагая марку на отвѣтъ. Ему посылали телеграммы съ уплаченнымъ отвѣтомъ.

На все это не получалось никакого отвѣта. По крайней мѣрѣ, изъ двухъ десятковъ случаевъ, знакомыхъ мнѣ, ни одинъ не увѣчался отвѣтомъ Чехова. Нѣмецкимъ издателямъ это чрезвычайно не нравилось. Они называли это невѣжливымъ и безтактнымъ. Они сѣтовали на понесенные расходы, на русскую халатность, на непрактичность русскаго писателя, которому предлагаютъ столь „выгодныя условія“. Но мы, русскіе, знаемъ, почему Чеховъ не отвѣчалъ на всѣ эти просьбы и предложенія. Мы знаемъ, что меркантилизму не былъ въ натурѣ Чехова, что самъ онъ никогда не заботился о своей славѣ и распространеніи ея, и поэтому не желалъ способствовать тому шуму, который хотѣли поднять нѣмецкіе издатели вокругъ его имени.

Когда Марксъ вынулъ собраніе во-едино мелкихъ рассказовъ Чехова перваго періода его творчества, эти произведенія Чехова явились какъ-бы открытіемъ для нѣмецкихъ переводчиковъ Чехова. Сами они не имѣли возможности рыться въ ста-

рыхъ журналахъ восьмидесятихъ годовъ, чтобы завлечь оттуда рассказы Чехова для перевода. Да большинство изъ нихъ и понятія не имѣло, что Чеховъ когда-то былъ Антошей Чехонте, что онъ писалъ небольшія юморески, и что нѣсколько сотъ послѣднихъ размыванъ на столбахъ старыхъ номеровъ юмористическихъ журналовъ.

Этимъ переводчикамъ все равно, кого переводить и что переводить. Главное—это спросъ. Имѣеть какой-либо авторъ сколько-нибудь значительный успѣхъ въ Россіи,—его произведенія тотчасъ переводятся на нѣмецкій языкъ. А кто не имѣетъ шумнаго, крупнаго, крикливаго успѣха, тотъ остается, по волѣ переводчиковъ, будь онъ архималанулинъ, для нѣмецкой публики *tabula rasa*.

Чеховъ-юмористъ имѣлъ въ Россіи большой спросъ наряду съ Чеховымъ-беллетристомъ. Въ Германіи Чеховъ-беллетристъ обманулъ ожиданія переводчиковъ, но Чеховъ-юмористъ предвѣщалъ спросъ. И переводчики не ошиблись: нѣмецкая ежедневная и юмористическая пресса предъявила на Чехова юмориста колоссальный спросъ.

Форматъ нѣмецкихъ газетъ сравнительно небольшой. Объявленія подавляютъ текстъ вообще. Жизнь сложная и разнообразная. Освѣдожденія полны. И столбцы газетъ экономятся до предѣловъ возможнаго. Все въ нѣмецкой газетѣ должно быть коротко: отъ замѣтки о городскомъ происшествіи до руководящей политической статьи, отъ телеграммы о мировомъ событіи до беллетристическаго фельетона „подъ чертой“. Для беллетристическаго фельетона „подъ чертой“ чеховскіе рассказы и подошли какъ нельзя лучше. Во-первыхъ, неоспоримыя литературныя и художественныя достоинства. И во-вторыхъ, размѣры въ дѣйстви-тѣльностяхъ. И началась настоящая вакханалія переводовъ чеховскихъ юморесокъ. Каждый рассказецъ переведенъ десятки разъ. У меня хранится коллекція восемнадцати перепечатанных мнѣ различныхъ переводовъ „Романа съ контрабасомъ“ полностью и съ сокращеніями, къ счастью, еще безъ отсѣбятивъ и дополненій. Конечно, всѣ переводы, за рѣзкими исключеніями, кустарнаго производства. Кто только умѣетъ по-русски и по-нѣмецки, тотъ переводитъ. Числомъ побольше, цѣною подешевле, и, главное, чтобы конкурентъ не опередилъ,—возможно быстро.

Само собою разумѣется, массовая, спѣшная работа и несетъ всѣ отличительныя черты таковой. Толстой, Чеховъ и Горькій—это три различныхъ стиля, три разнообразныхъ манеры письма. Въ нѣмецкомъ же переводѣ у нихъ одинъ и тотъ же языкъ, точь въ точь одинъ и тотъ же стиль. Не подумайте, что это стиль переводчика: ни одинъ изъ этихъ переводчиковъ-кустарей не имѣетъ своего индивидуальнаго стиля, своеобразнаго языка. Нѣтъ, это лишь правильчій, безъ единой грамматической или синтаксической ошибки, если хотите—достаточно литературный, но шаблонный и безцвѣтный нѣмецкій языкъ. Языкъ не Толстого и не Чехова и не Горькаго. Чеховъ ждетъ, тѣмъ образомъ, еще своего нѣмецкаго переводчика, который не только сумѣетъ переложить всѣ красоты чеховскаго языка и чеховскаго стиля, но и дастъ нѣмецкой публикѣ полный переводъ всѣхъ серьезныхъ беллетристическихъ произведеній Чехова. Серьезный читатель тогда еще лучше пойметъ и оценитъ Чехова и въ Германіи, хотя, можетъ-быть, популярность Чехова въ Германіи и никогда не достигнетъ размѣровъ популярности Достоевскаго, Толстого и Горькаго.

Слишкомъ плохо переведены на нѣмецкій языкъ произведенія Чехова, чтобы нѣмецкая критика могла писать: „это чеховскій стиль“ или „это чеховская манера письма“, или „это чеховскіе образы“. чеховскія настроенія и чеховскіе типы недостаточно еще выяснились и очертились для нѣмецкаго читателя, чтобы онъ могъ про какое-либо произведение Чехова сказать за глаза: „Это Чеховъ“. Нѣмецкій читатель вмѣстѣ съ нѣмецкимъ критикомъ говорили лишь: „Это второй Мопассанъ“ или: „это русскій Мопассанъ“. Имя Мопассана пестрило и на столбахъ русскихъ газетъ въ характеристикахъ чеховскаго творчества. Чеховъ и самъ сознавалъ свое литературное родство съ Мопассаномъ, что отнюдь не мѣшало ему быть и оставаться Чеховымъ. Будучи въ послѣдній разъ на Ривьерѣ, онъ говаривалъ тамъ врачу д-ру Вальтеру: „Исцелишь самъ, такъ буду переводить Мопассана“.

М. Сукенниковъ.